

ГОДА
ДРАКОНА

ЛИ
ЛЕВИ

Ли Леви

Год Дракона

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295743
SelfPub; 2024*

Аннотация

Раз в двенадцать лет – в год Дракона – он выходит из вод озера, чтобы быть с ней. Двенадцать лет она ждет на берегу, чтобы быть с ним. Целая вечность, заключенная в сто земных дней – все, что им позволено. Он бессмертен. Она – лишь песчинка во времени. Что общего у шаманки с острова Ольхон и древнего божества, обитающего в водах Байкала? История страны длиною в век. Мистика на фоне реальных событий. Любовь, неподвластная времени. Крах этнических устоев. Падение нравов и Возрождение. И снова Любовь. И все это на просторах России. Много снега. Много льда. Много чувств.

Содержание

Озеро Байкал. 2000 год	4
Остров Ольхон. 1904 год	10
Ольхон. 1916 год	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ли Леви

Год Дракона

Озеро Байкал. 2000 год

Маленькая Саран бежала против ветра, кутаясь в огромный пушистый платок, который закрывал ей половину лица. Рукой она придерживала капюшон с меховой оторочкой, так и норовивший упасть с ее головы. Снег мелкими колкими брызгами летел ей в лицо и таял на ресницах. Ее ноги проваливались в еще неглубокие сугробы, и это замедляло бег. «Не припомню такого ветра в январе, – думала Саран. – Будто сарма¹ пришла! Да и снег валит, не прекращается». Девочка посмотрела на небо: серая мгла скрывала звезды и месяц. «Темная ночь будет, – заключила Саран. – Хорошо, дядька Степан на остров успел вернуться».

Она остановилась на секунду, увидев наконец перед собой сэргэ², а далее — неподвижно застывший темный силуэт на берегу озера. Ободрившись, девочка побежала еще быстрее, пока, наконец, не поравнялась со старухой в дэли³, ото-

¹ Сарма – сильный, шквальный ветер, дующий в средней части Байкала.

² Сэргэ – (бурят. Сэргэ – «коновязь») – ритуальные коновязные столбы у бурят, якутов, алтайцев и других родственных народов.

³ Дэли – верхняя одежда бурят халатообразного покроя, без плечевого шва, с

роченном белым мехом и синим бархатом. Та сидела прямо на снегу, уставившись куда-то вдаль, в снежный туман, поднимавшийся теперь над озером.

– Бабушка! Вот ты где! Идем домой! Ветер-то какой, замерзнешь ведь!

– Замерзну? Вот еще, насмешила, – негромко отозвалась старуха. – Этот ветер ничего не знает о холоде.

– Да ладно, бабуль, смотри, темнеет, метель того и гляди начнется. Как до дома дойдешь?

– Дождусь его, вместе и придем.

– Сказки это все твои, – сказала девочка, натягивая платок на лицо. – Идем. Замело все. Тяжело будет через снег до дому добираться. – Не получив ответа, она вздохнула: спорить с прабабкой – дело неблагодарное, все равно на своем настаит. – Как знаешь, бабуль. Через час не придешь, дядю Степана за тобой отправлю.

– Не нужен Степан. И сама ступай, Саран, обо мне не тревожься.

– А коли не придет?

– Придет. Ведь год его близко. – Шаманка обернулась и посмотрела на правнучку, сощутив левый глаз. – Или ты не веришь, что прадед твой Дракон?

«Совсем бабка-то из ума выжила, – думала восьмилетняя Саран, глядя на Оюну. – Да и не мудрено, давно за сто лет ей перевалило. Уж и счет годам потеряла. Хорошо хоть имя

свое помнит да дорогу домой знает. Да ходить сама может. Ох, замерзнет. Люто сегодня. Ветер так и обжигает».

– Бабуль, коли до ночи не придет, домой возвращайся. Да не заплутай в темноте. Побегу чай с травами заварю, ждать тебя буду.

– Иди, иди... – небрежно махнула рукой Оюна и снова погрузилась в созерцание замерзшей водной глади древнего озера.

Что она видела в этом тумане, стоявшем теперь над запорошенным льдом Байкала? На ее губах, некогда свежих, влажных, нежно-розовых, словно лепестки роз, а нынче более напоминавших увядшие цветы, играла легкая улыбка. Она ждала его.

Начиналась вьюга, и сумерки спустились на остров Ольхон, но она продолжала сидеть на берегу озера, прямо на снегу и, не отрываясь, смотрела уже почти невидящими от таявшего на ресницах снега полупрозрачными глазами – на морозное ледяное безмолвие.

Она не чувствовала холод с того далекого дня, когда впервые ощутила лед его дыхания внутри себя. Здоровье у нее было отменное. Никто не замечал, чтобы ее донимала старческая немощь, и никто не мог припомнить, чтобы она хоть раз за свою долгую жизнь обратилась к врачам. Она словно была создана из особой материи, не знавшей течения времени. Она не склонилась под тяжестью прожитых лет, и ее легко было узнать издали по горделивой осанке и неспешной

походке. В таком почтенном возрасте Оюна умудрилась сохранить почти все зубы. Глаза ее не тронула слепота, напротив, с возрастом она стала видеть намного дальше, а порой даже видела то, чего не видели другие: духов, приходивших к ней. Да и слух ее пока не подводил. Про нее говорили, что это духи питают ее тело своими силами. Так оно, наверное, и было. Она стала шаманкой, когда ей исполнилось уж полсотни, но поговаривали, что еще в молодости, отдав свои тело, душу и сердце во власть Хозяина Вод, она стала посредником между миром духов и миром людей.

Саран добралась до небольшой бревенчатой юрты, отворила тяжелую дверь и вошла. Лицо обдало приятным теплом.

– Дядя Степан, ты дома? – позвала девочка.

– Я-то дома. – Крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти вышел встречать ее, вытирая руки о холщовое полотенце. – Прабабка твоя где? У озера осталась?

– Упрямится. Дракона ждет. – Саран стянула с ног угги. – Чай заварю. Может, одумается да придет. На улице морозно. Не простыла бы.

– На моей памяти ни разу такого не было, чтобы Оюна от холода слегла. Авось и теперь минует.

– У бабки Оюны с головой беда, – посетовала девочка. – Придумывает разное. – Саран наполнила большой чайник водой и потащила его на огонь.

– Что теперь вздумала?

– Говорит, прадед мой – Дракон. Вот уж придумает... Верно говорят, что млад, что стар. Одни фантазии на уме.

– Прабабка твоя Оюна – мудрая женщина, много видела, много ведает.

– Неужто веришь в это? – Девочка присела поближе к гуламте⁴, приготовившись слушать. Дядька Степан уж больно искусный рассказчик был. Много знал, говорил складно.

– Отчего не верить? Сотню лет Оюна с духами говорит. Родила двоих детей, а мужа так и не было никогда. Да и дети какие – оба белые, словно молоко, глаза голубые, что лед Байкала. Где таких среди бурятов видала? Да и тебе белые косы достались да глаза голубые. Откуда, думаешь? Сама же бабка Оюна всегда черноволоса была да черноглаза. Сказывают, как дохнул на нее Снежный Дракон, так прядь белоснежную с тех пор в волосах и носит. А теперь и вся голова уж ее белой стала.

– Хочешь сказать, и вправду прадед мой Снежный Дракон?

– Вот во что хочешь, в то и верь. Да только раз в двенадцать лет приходит к ней мужчина вроде как из ниоткуда и живет с ней сто дней, а потом уходит – туда, откуда пришел. А еще говорят, с молодости он ее навещает и за это время не изменился ничуть. Высокий, метра два ростом. Лицом вроде на местных не похож. Кожа белая, словно у альбиноса, волосы, тоже белые, по плечи, в косы заплетены; глаза яркие,

⁴ Гуламта – очаг в центре традиционного бурятского жилища.

голубые, да как будто прозрачные, а взгляд холодный, пристальный. И молчит. Только с ней беседу ведет. Последний раз еще до твоего рождения его видали. Этой зимой двенадцать лет как раз будет, как он не появлялся.

Саран слушала его, широко открыв глаза.

– А что же, ты сам его видел?

– Видал. – Он задумался, будто припоминая. – Да только избегает он людей. На глаза никому не кажется. Только с ней и бывает. Мельком его люди замечали. Зайдет в юрту Оюны – только тени видны, да голоса слышатся: один – ее, да еще один – мужской. А слов не разобрать.

– Так что же, не выдумки все это?

– За выдумки держать или же за правду – твое дело. Расскажу тебе все, что знаю, а ты уж сама решай.

Остров Ольхон. 1904 год

Зима 1904 года выдалась на редкость суровой. И причиной тому стали не только лютые морозы, при которых столбик термометра опускался ниже тридцати градусов, но и разразившаяся Русско-японская война. Транссибирская магистраль, призванная соединить всю страну от Санкт-Петербурга до Порт-Артура и Владивостока, на тот момент еще не была завершена – не доставало связующего звена между двумя частями Великого Сибирского Пути, разделенного водами Байкала. Это звено будет добавлено годом позже. А пока, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение российской армии, по льду озера от станции Байкал до станции Танхой была организована переправа, ставшая тонкой, но прочной связующей нитью длиной в сорок четыре версты⁵.

Лед гудел от переправы. Помимо гужевого⁶ переезда по льду Байкала были проложены рельсы. Днем и ночью через озеро неслись лошади, тянувшие за собой вагоны и сани с людьми. На полпути находилась станция, где пассажиры, следовавшие в обе стороны через озеро, могли остановиться, чтобы немного согреться и дать отдохнуть лошадям. Весь

⁵ Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

⁶ Гужевой транспорт – вид упряжного транспорта, как грузового, так и пассажирского, в котором транспортные средства приводятся в движение животными (например, лошадьми).

путь в ночное время освещался фонарями, размещенными на верстовых столбах, а на случай буранов и метелей, столь частых для этих мест, вдоль дороги устанавливали колокола, звон которых указывал направление едущим.

Смекалка и упорство инженеров обеспечили эффективное и бесперебойное снабжение войск. Казалось, природная стихия была покорена в угоду и на благо людей. Но озеро, пережившее не одну войну, не одну эпоху, не одну империю, было растревожено. Земля живет по своим законам, и когда люди, копошащиеся на ее поверхности, слишком сильно шумят и причиняют ей боль, она просыпается и пробуждает Природу, и напоминает о том, что она – живое существо, а люди – лишь досадное недоразумение на ее коже.

Так, желая покорить стихию, люди лишь потревожили ее. Покуда они делили поверхность Земли, создавая новые и разрушая старые империи и устои и отстаивая свои интересы, в глубине вод пробудилось нечто еще более древнее, чем само озеро. Разбуженное скрежетом и гулом, взрывами снарядов и мин, оно открыло глаза и медленно повело носом, раздувая огромные ноздри. Когда-то прежде, очень давно, из этих ноздрей валил дым, а из пасти вырывалось настоящее пламя, и люди в ужасе разбегались, принимая его гнев за извержение вулкана. Но теперь никто не верил в Дракона, а сам он был холоден, как воды Байкала, и даже чешуя его побелела, словно покрылась инеем, и он уже и сам не помнил, когда и при каких обстоятельствах это произошло. Он

помнил лишь то, как опустился на дно озера, холодная вода остудила его пыл, и огонь угас в нем.

Зверь приподнял голову и прислушался, поведя ушами. Гул, взрывы, детский плач, стенание Земли – все это отлично улавливал его слух, но он искал другие звуки – звуки шаманского бубна – и не слышал их. Он пошевелился, разминая спину и лапы, и вдруг ощутил жуткий голод. Обида на неблагодарность людей породила ярость, а ярость усилила чувство голода, и, не обнаружив никакого подношения, он взмыл вверх, сквозь плотные слои воды, к поверхности замерзшего озера, разбил толстый лед, взмыл в запудренное снегом небо и обрушился на лед всем телом, ломая его и снова погружаясь в воду.

Осознав, что его внезапное и фееричное появление не возымело должного эффекта и, более того, осталось незамеченным, он сам вышел на берег, дабы получить то, что причиталось ему. Во время своего прошлого визита он напомнил людишкам об их долге перед ним сильнейшим землетрясением, в результате которого несколько деревень навсегда скрылись под толщей воды. Тогда он насытился вдоволь полученной жертвой, но вернувшись теперь, спустя какие-то четыре десятилетия, в очередной раз убедился, что у людей слишком короткая память. Подтверждение их никчемности и незащитности перед лицом стихии ничему не научило их, а значит, стоило преподнести им новый урок и воскресить в их умах память предков.

Уже смеркалось. Буран сделал этот день еще короче, скрыв за снежной пеленой тусклый солнечный свет. В небольшом трактире обедали постояльцы заезжего дома. Здесь было мало местных, все больше приезжие, по воле судьбы, долга или корысти попавшие на новые для европейцев земли, суровые и малоизученные. Они негромко переговаривались. В помещении было непривычно тихо и приятно тепло.

Заведение это принадлежало семейной паре. Глава семейства, выходец из Центральной России, приехал на остров еще в молодости и обосновался здесь, очарованный теплом черных, как ночь, глаз его будущей супруги, ее мелодичным говором и покладистым нравом, а еще каким-то романтическим настроением, наполнившим его душу в ожидании встречи с неизведанным.

Обсуждали непогоду и неожиданную атаку японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре. Здесь, вдалеке от сражений и значительно севернее переправы, все еще сохранились некоторые умиротворенность и спокойствие.

Внезапный грохот разбил тишину: треснул лед на озере, и этот звук в одно мгновение привлек внимание присутствующих. Посетители разом вздрогнули и напряженно переглянулись: не началось ли поблизости сражение?

– Что это? – задал резонный вопрос кто-то из постояльцев.

– Скрежет ломающегося льда, – последовал угрюмый от-

вет из-за соседнего столика. Мужчины обменялись продолжительными взглядами, прислушиваясь к звукам, доносившимся с озера.

Это действительно был оглушающий скрежет льда, как будто ломавшегося под натиском огромного тяжелого металлического каркаса ледокола.

Хозяин трактира тоже напряженно прислушался.

– Да-с, это лед трещит, – произнес он. – Неужто теперь совсем рядом?

– Далеко отсюда до Танхоя, – ответил мужчина средних лет, прислушиваясь к скрежету льда. – Вряд ли это связано с переправой.

– А коли японцы?

– Как бы могли так быстро, да в такой буран? Да и далече все же...

Он выбрался на берег и стряхнул с себя воду – так, как это делают животные. Он ненавидел находиться в маленьком хилом человеческом теле, но только так ему было дозволено передвигаться по суше. Он закрыл глаза и стиснул зубы от боли: оказаться так быстро в теле, в несколько раз меньшем, чем его истинное – ощущение не из приятных. Идти на двух ногах тоже было непривычно и не очень удобно, но, поскольку это была единственная возможность выйти на сушу, он смирился. Только так он мог покинуть озеро.

Он проспал несколько десятилетий, сытый дарами земле-

трясения 1862 года, которое сам же и породил. В январе того печального года под воду ушло несколько деревень, и ему, несомненно, было, чем поживиться. Когда люди перестают почитать своих богов и решаются возомнить себя равными им, боги просыпаются и приходят за своим, за тем, что им причитается. Так он думал. И так всегда поступал.

В целом он не был притязателен: свежая плоть – потому что надо питать свои силы, золото – потому что на нем приятно спать, и звуки бубна – выбиваемые шаманом сладкие, любимые звуки единения со стихией и знак почитания духов и древних божеств – вот все, что ему было нужно.

Дверь трактира распахнулась, пустив в тепло помещения ветер и снег. На пороге появился примечательной внешности человек. Это был мужчина средних лет, судя по всему, явно не из местных: высокий, около двух метров ростом, с очень бледной кожей и длинными белыми волосами, собранными на затылке в тугой хвост. Он остановился на пороге и медленно обвел взглядом всех присутствующих, словно искал кого-то между ними. Все невольно обернулись и также задержали на вошедшем свое внимание: помимо того, что одет он был необычно – хотя к этому местные уже успели привыкнуть, слишком много выходцев из Центральной России и Западной Европы в последние годы посещали эти места – одежда его никак не соответствовала погоде. Он был одет слишком легко, и при этом нельзя было утверждать, что

холод доставлял ему неудобства. Необычным казалось и то, что его дыхание рассеивалось вокруг лица легким полупрозрачным облаком. Так бывает на морозе, когда мельчайшие капельки выдыхаемого человеком пара замерзают при низкой температуре. Вот только в трактире было тепло, а воздух вокруг посетителя словно замерзал от его же дыхания.

В воцарившейся тишине мужчина сделал несколько шагов в сторону барной стойки и, одарив хозяина заведения продолжительным надменным взглядом, тихо и глухо произнес на чистейшем местном наречии:

– Где шаман?

– Шаман? – удивленно переспросил хозяин и затем продолжил на русском: – Какой шаман, милостивый государь? До шаманов ли теперь? Такие времена грядут. – Он сокрушенно покачал головой.

– Зови шамана, – сухо произнес гость, пронзая его холодным безжизненным взглядом.

– Да где ж теперь шамана найти? Ушли-с все шаманы. Война-с, о шаманах ли теперь думать?

– Меня это не касается, – глухо отозвался незнакомец и снова обвел присутствующих взглядом.

В зале повисла тишина. Задняя дверь приоткрылась, и из-за нее выскользнула хозяйка – невысокая полноватая бурятка, добродушная и улыбчивая, в яркой национальной одежде. Посторонив мужа, она встала между ним и гостем и поклонилась.

– Проходите, милостивый государь, – масляным голосом произнесла она и жестом пригласила за свободный стол у окна, но посетитель не сдвинулся с места. – Что изволите? Чем служить могу?

– Где ваш шаман? – холодно произнес незнакомец, медленно переводя взгляд на женщину.

– Не извольте гневаться. Ушли шаманы. Одна Лхамá только и осталась на острове, да и то ее давно не встречали.

– Веди ее. – Мужчина не спеша прошел к предложенному ему месту и сел. Хозяйка с хозяином переглянулись. Посетители тихо переговаривались, следя за происходящим.

– Как будет угодно, милостивый государь. Мы сейчас же пошлем разыскать ее. А покуда ожидаете, что могу предложить Вам?

– Я ожидаю уже слишком долго! И я не вижу, чтобы кто-нибудь сдвинулся с места, чтобы идти за шаманкой.

– Уже сынишка мой бежит за ней. Сию же минуту пошлю его. Вам покуда что предложить?

Она склонилась перед ним, ожидая ответа.

– Золото и свежее мясо.

– Золото... Конечно... Оно будет у Вас, милостивый государь. А про мясо – так какое изволите? Как приготовить, как подать?

– Человеческое, – небрежно бросил ей в ответ гость, продолжая осматривать присутствующих каким-то леденящим взглядом, и, чувствуя этот взгляд на себе, посетители опу-

кали глаза, словно пытаясь спрятаться от него в своих тарелках и кружках. – Так неси, – подытожил он, вернувшись взглядом к женщине.

Хозяйка, натянуто улыбнувшись, склонилась еще ниже.

– И поторопите шамана. Я до сих пор не слышу приветственных звуков бубна.

Пятясь, женщина кое-как добралась до двери, из-за которой появилась несколько минут назад.

– Гришка! – громко окликнула она через слегка приоткрытую дверь, все еще не решаясь повернуться к гостю спиной. – Гришка, беги к Оюне. Она наверняка знает, где ее бабка-шаманка прячется. Пусть бежит к ней. Хозяин Вод пожаловал, торопи ее.

Услышав это, ее супруг открыл было рот, дабы пресечь эти языческие предрассудки, но сдержался.

Из-за двери появился мальчишка лет семи, поспешно натягивавший на себя шубу. Кое-как нахлобучив на голову шапку, он вылетел на улицу, в буран, и побежал, проваливаясь в снег. Хозяйка же поспешила на кухню, намереваясь выдать пару кусков конины за человеческое мясо и подать их гостю.

Спустя несколько минут мальчик влетел в юрту Оюны, знатно испугав ее.

– Гришка! Вот напугал, негодный! – вскричала милостивая девочка-подросток лет двенадцати. Она сидела на кор-

точках у очага и мешала что-то в тогооне⁷ деревянной ложкой с длинной ручкой.

– Оюна, бабка твоя где? Мать говорит, беги к Оюне, пусть бабку разыщет, да в кабак ведет. Хозяин Вод пожаловал, шамана требует.

– Что за вздор? Что за Хозяин Вод такой? Не сам ли Лусуд-хан пожаловал? – Девочка рассмеялась.

– Вот смеешься, а он человеческое мясо, говорит, несите. И золото! И шамана, говорит, ведите, не слышу, говорит, приветственных звуков бубна. Злющий такой! Сам белый, как снег, а глаза синими огнями горят!

– Ох и выдумщик ты! Смотри, коли подшучиваешь надо мной, поколочу, так и знай.

– Некогда говорить, беги за бабкой, коли знаешь, где она.

– У горы Шаманки искать ее следует, коли на острове она. Неблизкая дорога, нехорошая. Да в такой буран.

– На Шаманку нельзя тебе. Детей рожать не сможешь.

– А вот ты и пойди туда, – подмигнула Оюна. – Не даром что такой шустрый!

– Мне тоже нельзя, мал я еще.

– Мал, а хитрый какой! Обрати беги. Скажи, передал все Оюне.

– Обманешь ведь. Не пойдешь за бабкой. Опять за тобой пришлют.

– Иди. Авось ушел уж гость ваш.

⁷ Тогоон (бур.) – котёл.

Гришка убежал. Оюна же убрала тяжелый тогоон с огня, подошла к сундуку, взяла шубу да платок, оделась, влезла в стоявшие у входа унты, отворила дверь и вдруг отпрянула от неожиданности: прямо перед ней в дверном проеме, словно призрак, воплотившийся из тумана, стояла старая шаманка с бубном в опущенной руке.

– Бабушка? – выдохнула Оюна, всматриваясь в хмурое, сосредоточенное лицо женщины.

– Куда разоделась?

– Так тебя искать. Говорят, Лусуд-хан пожаловал. Шамана к себе требует.

– Никуда не ходи, Оюна, – глухо проговорила Лхама. – В юрте сиди, дверь запри.

– Так это правда, бабушка? Правду Гришка говорит? И вправду Хозяин Вод пожаловал? Это ты призвала его? – Выпучив глаза, Оюна забрасывала бабку вопросами.

– Глупости что мелишь? Зачем бы мне это? Не я, – отозвалась шаманка. – Сам явился. Но сам он не уйдет, пока не получит желаемое.

– А что он хочет-то, бабушка?

– А желает он человеческие жертвы и много золота. К нему иду. Не встретили, как должно, как бы беды теперь не случилось, как бы беды не было... Коли сюда явится, не говори с ним. Коли заговорит с тобой, не отвечай. Глаз своих на него не поднимай. Лицо не показывай – запомнит, так и не отпустит больше. Имени своего называть не смей. Из рук

его ничего не бери. В руки ему ничего не давай – все перед ним на землю ставь.

Шаманка медленно повернулась и пошла прочь, в снежный буран, в сторону заездного дома и трактира.

– Бабушка! – окликнула ее Оюна. – Возьми с собой! Хоть глазком на него глянуть.

– В себе ли ты, Оюна? Или слух потеряла? – донесся гневный бабкин голос откуда-то из-за снежной пелены. – Дверь запири, да не высовывайся, покуда не вернусь.

И с этими словами шаманка окончательно растаяла в буране.

Оюна тихо затворила за ней дверь, сняла верхнюю одежду, аккуратно сложила, села у огня. В те дни, когда отец был на промысле, она оставалась в юрте одна и подолгу говорила с огнем, и он отвечал ей негромким потрескиванием, а иногда лизал пальцы ее рук языками пламени, не обжигая при этом. Никогда не думала Оюна о том, что ее дар говорить с огнем и видеть духов уникален. То, чего шаманы добивались, годами отрабатывая свое мастерство и вводя себя в транс, для нее было естественным состоянием. Духи были постоянно вокруг нее, и она давно привыкла к их присутствию. Она чувствовала духов, некоторых видела, с некоторыми говорила. Эта особенность была у нее с раннего детства, видимо, передалась ей от ее девятой бабки. Та, говорят, тоже, будучи шаманкой, никогда не прибегала к трансу, чтобы говорить с духами. И поскольку Оюну духи окружали

с самого ее раннего детства, она привыкла к ним и не боялась их присутствия. «Бойся, берегись и почитай» – этому правилу учила ее бабушка Лхама. Но Оюна не могла заставить себя их бояться. Если ей не нравилось то, как выглядел дух, она просто не смотрела на него. Но страха перед ним не испытывала.

Прошло уже около недели, как уехал отец, и Оюна, оставшись наедине с огнем, говорила с ним, вверяя ему свои опасения и тайны.

– Уж больно хочется увидеть его, – сетовала Оюна. – Вдруг не явится больше? Драконы-то, они долго живут. А вдруг еще лет двести не появится? Так любопытно, так любопытно на него взглянуть.

Она аккуратно положила несколько сухих поленьев в огонь, и тот с благодарностью принял их.

– А что, если через окошко гляну? Он и не заметит меня. И бабушка тоже.

Она прислушалась. Ветер стих, и буран успокоился. Откуда-то издалека, видимо с берега озера, слышались звуки шаманского бубна. Значит, бабушка Лхама была там. Ее нельзя беспокоить, она должна умиловить нежданного гостя.

Девочка вздрогнула, когда ее мысли внезапно были прерваны громким стуком в дверь.

– Оюна, открой! – срывающимся голосом орал Гришка и барабанил в запертую дверь. – Оюна!

Оюна подошла к двери, задержалась на секунду, помня

предостережение бабки, но оставить плачущего ребенка за дверью, ночью, на морозе было выше ее сил. И она осторожно приоткрыла дверь. Гришка влетел в юрту, сбросив на бегу унты у самой двери, юркнул за большой сундук, накрылся с головой лежавшим подле покрывалом и затих под ним. Девочка в недоумении проследила за мальчиком взглядом, притворив за ним дверь.

– Гришка, вылезай, – позвала Оюна, но он не отозвался. – Гришка, выходи давай, что чудишь? – Но тот не пошевелился.

Тогда Оюна сама подошла к нему и откинула покрывало. Мальчик сидел, вжавшись в стену, и крупно дрожал всем телом.

– Эй! Ты что так напугался?

Гриша попытался что-то сказать, но лишь издал невнятное мычание.

– Вот незадача! Пойдем, я тебе молока налью.

Она взяла его за руки, помогла встать, сняла с него верхнюю одежду, совсем промерзшую, повесила просушить. Его же самого укутала в теплое одеяло, усадила у огня, согрела молоко, налила в пиалу, подала ему:

– Пей.

Мальчик послушно припал губами к пиале.

– Что произошло? Расскажешь ты наконец?

– Все, все, все, все... – бубнил мальчик, глядя на огонь.

– Что ты говоришь? Не разберу. – Оюна подседа ближе к

Гришке.

– Все там. Все замерзли. Всех убил. Он всех убил. Мамку убил, отца убил.

– Что ты говоришь? – Опешив, Оюна поднялась на ноги. – Как убил? Кто убил?

– Холоду нагнал. Заморозил всех. Что делать-то теперь, Оюна? – И вдруг он разрыдался.

– Может, путаешь что? Давай я тебя домой отведу.

– Там мертвые все! Весь поселок замерз! Одни мы с тобой и остались, – захлебываясь от плача, причитал он.

– Пойду сама все узнаю. Что-то нелепое говоришь.

– Не ходи, – протянул Гришка. – И тебя погубит. Нелюдь он. Дышит, и от дыхания его лед повсюду.

– Пойду, – отрезала Оюна и встала.

Она оделась, взяла большой фонарь и вышла из юрты. Затворив за собой дверь, остановилась, вспомнив наставление бабки, но лишь на минуту, а затем уверенно зашагала по свежавыпавшему снегу в сторону трактира, освещая себе путь неярким огнем.

Буран стих, но мороз усилился. Ветер разогнал ночную мглу, и на высоком темном небе заискрились звезды. Луна, далекая и холодная, серебрила снежное покрывало, и оттого ночь казалась сказочной и торжественной.

Кое-как добралась Оюна до трактира. Света в окнах не было. Она подошла ближе. В свете ее фонаря отчетливо нарисовалась открытая дверь, высоко засыпанная снегом по

обе стороны, а за ней – темнота. Подойдя еще ближе, Оюна обнаружила, что порог обледенел, словно в помещении не топили несколько дней. Она осторожно перебралась через него, стараясь не поскользнуться и не упасть. Внутри несколько свечей, дрожа своим тусклым пламенем, не давали помещению погрузиться в полную темноту. Пол покрывал гладкий лед. Оюна подняла голову, желая осмотреться, и... увидела его.

Он сидел прямо напротив двери и что-то вырезал ножом на поверхности обледеневшего широкого деревянного стола. Перед ним, склонившись до самого пола, словно в глубоком молитвенном поклоне, на коленях стояли ледяные фигуры. Огонь от фонаря Оюны отражался в ледяной толще, покрывавшей их, словно в зеркалах. Не сразу поняла Оюна, что совсем недавно это фигуры, теперь скованные льдом, были живыми людьми, а поняв это, ужаснулась и замерла, стараясь не смотреть на них и как можно тише дышать. Трактир превратился в ледяную пещеру: стены, мебель, потолок – все теперь было покрыто толстым слоем льда.

Он поднял голову и вопросительно посмотрел исподлобья на вошедшую девочку. А она, все еще стоя в дверях, смотрела на него. Он молча поманил ее едва заметным движением руки, и она послушно пошла к нему, осторожно ступая, словно боясь провалиться под тонкий лед. Он внимательно наблюдал за ней, заинтересованный ее внезапным появлением. Наконец Оюна подошла к столу, за которым он сидел,

остановилась и поставила огромный тяжелый фонарь на пол.

– Зачем пришла? – тихо спросил он, и его голос показался девочке вполне человеческим и даже довольно приятным.

– Тебя увидеть хотела, – ответила она так же тихо и опустила глаза.

– Так что же тогда не смотришь на меня? Смотри.

Она нерешительно взглянула на него и тут же снова отвела глаза: отчего-то щеки ее тотчас запылали, а сердце забилось быстро-быстро, и стало трудно дышать.

– Увидела? – снисходительно поинтересовался он.

– Увидела, – едва слышно отозвалась Оюна.

Он усмехнулся.

– Что ты принесла мне?

– Ничего, – растерянно прошептала девочка, понимая, что поступила опрометчиво, придя к божеству без даров.

– Ничего? Тогда отдай мне то, что у тебя есть при себе.

Оюна растерянно пошарила по карманам, нашла две монеты и стеклянный шарик и положила перед ним на стол.

Он в недоумении посмотрел на сей скромный дар, затем на нее и снова усмехнулся.

– Что это? Мне это не нужно.

Девочка поспешно собрала со стола монетки и игрушку и спрятала в карман.

– Но у меня больше нет ничего, – тихо проговорила она в ответ и вдруг осознала, невольно взглянув на заледеневшего человека рядом с ней, что любопытство ее было глупостью,

а смелость – бравадой, и надо было слушать бабушку Лхаму и сидеть дома, не высовываясь, пока не уйдет Дракон.

– Ты приходишь ко мне без даров, без почтения? – спросил он.

– Что я могу принести тебе в дар? В моей юрте лишь тепло от очага.

– Хм. – Он словно раздумывал над чем-то, с интересом рассматривая девочку.

– Ты заморозишь меня, как всех этих людей? – едва слышно спросила она.

– Они обманули меня. Поэтому стали льдом. Подумать только, подсунуть мне конину, – фыркнул он. – И эта ш-ш-шаманка, которая пытается заманить меня обратно в воду, будто я дрессированный щ-щ-щенок! – Он резко поднялся, опрокинув скамью.

С каким-то глухим звериным рычанием он выдохнул ледяной воздух через полуоткрытый рот, и это немного остудило его гнев. Он искоса, с высоты своего роста взглянул на девочку и поинтересовался:

– Ты ведь не станешь обманывать меня?

Оюна отрицательно покачала головой.

– Хорошо. – Он обошел массивный стол и остановился прямо перед ней. Он был очень высок, и она невольно подняла голову, чтобы увидеть его лицо. – У тебя есть то, что я приму от тебя в дар. – Он скрестил руки на груди и выдержал паузу, возможно, ожидая от нее вопрос, которого не после-

довало, и затем продолжил: – Твое имя.

– Имя? – повторила за ним эхом Оюна.

Она вдруг сильно испугалась, вспомнив наказ бабки, но упрямство и любопытство не давали ей отказаться от навязчивого желания увидеть дракона во всем его великолепии, и она намеревалась просить его об этом. А значит, не могла отказать ему теперь. Да и что дурного в том, если она назовет ему свое имя? Ведь она знакомится с людьми и называет им свое имя, не опасаясь, что у этих людей могут быть дурные намерения.

Он прервал ее размышления.

– Боишься назвать свое имя? – Он опять усмехнулся. – Скажи мне твое имя, и я предстану перед тобой в своем истинном обликии. Ведь ты пришла, чтобы увидеть Великого Дракона, а не Дух Дракона, скованный человеческим телом, тем, что ты видишь теперь перед собой. – Она кивнула. – Вот и хорошо. – Так какое имя дали тебе при рождении?

Она немного помедлила, а затем произнесла едва слышно:

– Оюна.

– Оюна... – повторил он и коснулся рукой пряди волос, выбившейся из ее косы, и ее волосы побелели вслед за движением его руки, словно насквозь пропитались инеем. – Хочешь увидеть мое истинное обличие – иди за мной.

И она пошла, сама не понимая, что заставляет ее идти вслед за незнакомцем. Любопытство? Некая власть, данная ему над людьми? Или же что-то иное?

Не проронив ни слова, они дошли до озера, до небольшой бухточки, где все теперь было покрыто льдом и занесено снегом.

– Иди за мной, – сказал он, и она послушно пошла дальше вслед за ним.

Они шли по льду Байкала, все удаляясь от берега, пока не достигли того места, где лед был сломан и поднимался из воды огромными неровными глыбами, а между ними блестела черная ледяная вода.

Не говоря больше ни слова и больше ни разу не взглянув на девочку, он, не останавливаясь, подошел к самой кромке воды и бросился в темную водяную бездну.

Оюна подбежала к самому краю разлома и осторожно заглянула в черную, подернутую льдом поверхность озера. Он больше не появился, но ей показалось, что там, в глубине, она увидела нечто огромное и живое, светящейся лентой проскользнувшее под лед, на котором она стояла. Оюна опустилась на колени и заглянула в темную воду озера, но увидела лишь свое нечеткое отражение. Она подождала некоторое время, но он так больше и не появился.

– Ты вернешься? – едва слышно прошептала Оюна, склонившись к самой воде. – Я буду ждать тебя.

И Дракон услышал ее голос.

В юрте было тепло, в очаге весело потрескивал огонь. Оюна отворила дверь и, войдя, тихо притворила ее за собой.

Молча сняла теплую одежду, села у огня. Гришка уже давно спал, свернувшись калачиком на огромном сундуке. Бабка Лхама сидела у огня и, казалось, не замечала вошедшую Оюну.

– Где была? – наконец хрипло проговорила шаманка, не глядя на внучку.

– К озеру ходила.

– Говорила тебе носа на улицу не казать?

– Говорила...

– Вижу коснулся тебя Дракон. – Шаманка пристально посмотрела на белоснежную прядь волос, которую Оюна убрала за ухо, пытаясь спрятать под темными волосами.

– Коснулся, – вздохнула девочка.

Шаманка сокрушенно покачала головой.

– Коли в лед не превратил и с собой не забрал, вернется еще за тобой. Ой, вернется...

– Зачем я ему?

– А кто может мысли его узнать? Коли оставил на тебе метку, как пить дать вернется.

– И когда же ждать его теперь?

– Ждать? Ждать не смей! Думать о нем не смей! Как не было ничего. А прядь эту срежь да на костре сожги. Авось путь к тебе потеряет. – Она внимательно посмотрела внучке в глаза. – Имя-то, имя ему свое не сказала?

– Н-нет, – неуверенно ответила Оюна.

– Ох и дурная ты, Оюна, ох и глупая. Слушала бы, что

говорят тебе, да ты ж умнее остальных себя мнишь, тебе ж самой виднее, как поступать. Погубила ты себя, ой, погубила. Вернется отец твой, на материк с ним езжай, а там в Иркутск, а там – чем дальше, тем и лучше. Чтоб не нашел тебя, окаянный. А если и почует, так чтобы не успел до тебя добраться. Недолго ему позволено по суше ходить. Поэтому далеко от озера не отходит.

– А как же долго он по суше ходить может?

– Так сто дней. Раз в двенадцать лет на сто дней только и может выйти. По земле как человек ходит, а под водою в своем истинном облике обитает. И лишь раз в двенадцать лет на сушу выходит, в год Дракона, коли пожелает. Живет тысячи лет и не старится, не умирает. Так что, коли в воду теперь вошел, так ему еще двенадцать лет на суше не показываться. А в озере так и будет обитать. А тебе вот теперь бежать от Байкала надо. Кто знает, зачем он метку свою на тебе оставил...

– А ведь он не злой, бабушка.

– Не злой? Гришке о том расскажи, сиротой он его оставил.

– Несправедливы к нему люди, вот и рассердился он. Ведь каждый на Ольхоне знает, что и Байкал, и все, что вокруг, он создал. А теперь пришел в эти земли и видит, что чужой он здесь и никто не помнит о нем и не почитает.

– Оправдать его хочешь? – Шаманка уставилась на нее горящими глазами. – Зло оправдать хочешь? Целый поселок

погубил, а ты защищать его взялась?

На сундуке завозился Гришка.

– Не шуми, бабушка, Гришку разбудишь.

– И разбужу! Пусть знает, что ты убийцу его родителей жалеешь.

– Злая ты сама, бабушка, – тихо произнесла Оюна, чтобы не разбудить окончательно мальчика. – Один Гришка остался. А коли обиду на меня затаит, как жить дальше будет? Где? С кем? Пропадет совсем.

– А ты не дури! Делай, что говорят тебе. И думать о нем забудь! А не забудешь, так приложу тебе по голове, чтобы память совсем отшибло! Да прядь эту из волос своих убери! Так и разит, так и разит от нее нежитью, неужто не чуешь?

И тут Лхама выхватила большой нож, каким обычно рыбу разделывала, ухватила Оюну за волосы, да и отсекала белую прядь, что Дракон оставил, в огонь бросила. Оттолкнула Оюна бабуку, заплакала от обиды, упала на пол перед огнем, да огню все шепчет: «Не трогай ее, милый, не превращай в пепел. Мы ж с тобой кров и пищу делим. Не отдай прядь Лхаме, не уничтожь в своем пламени».

Оттащила ее шаманка, бранит, что огонь заговаривать в юрте вздумала, а огонь услышал Оюну, не сжег прядь волос, накрыл ее своим пламенем, словно покрывалом.

– Глупая ты, Оюна, ох, какая ж глупая, – причитала шаманка, немного отдышавшись и отойдя от гнева.

– Красивый он, бабушка, – задумчиво глядя на белоснеж-

ную прядь волос в огне, произнесла Оюна.

– Смотрела на него, что ли? Говорила я тебе глаз на него не поднимать, лицо свое не показывать? Нелюдь он, Оюна!

– Как же не смотреть на него? Красивый он, бабушка, очень красивый. А глаза какие! Что озеро. Глубокие да голубые. И нет злобы в глазах его, только грусть... Куда же ты, бабушка? – спохватилась Оюна, заметив, что Лхама уже из юрты на мороз идти собирается.

– Одержимая ты стала, Оюна. Бурханить⁸ иду. А ты к озеру не ходи. Как отец вернется, на материк поедешь. Вещи собирай покуда.

И шаманка вышла из юрты.

Оюна подкинула в огонь несколько сухих щепок:

– Прими. Хорошие они, смотри, какие сухие. Ведь любишь такие.

Затем брызнула тарасун⁹ в огонь, и тот затрещал еще громче и веселее.

– Как могу уехать? Кто кормить тебя будет? Сгинешь совсем, мороз в этой юрте поселится. Нельзя мне уходить, здесь мой дом.

Она села ближе к огню.

– Ведь и ты дух. А как мы с тобой ладим хорошо. Делим

⁸ Бурханить – задабривать местных духов на Байкале.

⁹ Тарасун – крепкий алкогольный напиток в Бурятии, изготавливаемый из кислой молочной сыворотки. Используется не только для бытового употребления, но и в местных религиозных обрядах.

кров на двоих, еду делим. А бабка боится моя. Ищет защиту у духов, а сама духом слабая. Вот и злится.

Оюна наблюдала за отблесками огня на стенах юрты: от их движения рождались причудливые фигуры, наполнявшие скромное жилище тайной и волшебством. Оюне очень нравилось наблюдать за ними. Ей казалось, что в этих всполохах была рассказана история всего ее рода, всего ее народа. А иногда ей думалось, что огонь показывает ей эти фигуры, чтобы развлечь, рассказать сказку, и она час за часом могла наблюдать за пляской теней и представлением светотени.

Огонь метнул к ее ногам язык пламени и оставил на полу прядь белоснежных волос. Оюна подняла эту прядь, заплела из нее косу и перевязала тонкой веревочкой. А затем завернула в кусочек холстины и спрятала на самом дне сундука. Но на месте срезанной пряди так всю ее жизнь и отрастали белые волосы.

Почти всю ночь просидела девочка, глядя на огонь и прислушиваясь к его легкому шороху и потрескиванию. В отблесках огня она видела блеск драконьей чешуи и светящиеся голубые глаза, глубокие и чистые, как лед Байкала.

– Ты вернешься?.. Я буду ждать тебя...

Ее голос отдалялся теперь, как тусклый лунный свет, как снег, как ветер, оставаясь где-то там, над поверхностью озера, вне досягаемости. Он должен был остаться наедине с собой и снова обрести покой, но его не покидал этот нежный

шепот, и эти черные, как сама ночь, глаза, и эта белая прядь в ее волосах, которую он оставил ей на память о себе.

Ольхон. 1916 год

Оюна осталась на острове. Отец так и не смог увезти ее. Духи не отпустили ее. Остров не отпустил ее. Ее сердце не отпустило ее с острова. Дав невольное обещание Дракону, она сама сделала себя пленницей острова и заложницей своей мечты увидеть его снова. Ведь она знала, что тот, кого ждут, обязательно вернется.

Несколько раз Оюну пытались увезти на материк, но каждый раз случалось что-то непредвиденное: то спокойная вода внезапно поднималась, и на озере начинался шторм с сильным ветром, вздымающим губительные волны, то внезапная лихорадка сразила ее на полпути к большой земле, да настолько неожиданная и сильная, что случились судороги, и девочку было решено вернуть на остров. И как только нога ее коснулась земли Ольхона, лихорадка тотчас же прошла.

И тогда ее отец уехал один. Он был вынужден вернуться на материк, поскольку имел там заработок, позволявший ему содержать себя и дочь, да еще и старуху-шаманку, которая время от времени заживала в их юрту, дабы пополнить свои скромные запасы провизии.

Оюна следила за юртой и вела скромное хозяйство: ходила за двумя козами и одной низкорослой коровкой да разбила скромный огородик, а еще училась грамоте по книгам, которые ей удавалось раздобыть у приезжавших на остров пе-

реселенцев с большой земли. Гришка сперва помогал ей, но вскоре возмужал и ушел на заработки, да и жить с ней в одной юрте, даже представляясь братом, уже было неловко для них обоих. В то время на Байкал прибывали группы молодых исследователей: создавались заповедные зоны по охране соболя. Местные устраивались к ним проводниками, продавали лошадей и поставляли необходимое. Многие приезжали с семьями, привозя с собой не только жен и детей, но и традиции, чуждые большинству бурятов.

Был Крещенский сочельник. Девушки прихорашивались в радостном предвкушении гаданий, а Оюна с интересом наблюдала за ними.

– Давай с нами, Оюна, отчего ты гадать не хочешь? – весело щебеча, спрашивали девушки.

– Для чего мне это? – пожимая плечами, отвечала Оюна.

– Да неужели не хочешь жениха увидеть?

– Одного лишь в женихи жду. Как придет, так и увижу. Да и не пристало в юрту чужих духов звать.

– Странная ты, Оюна. Неужто не интересно, не любопытно тебе? Да и ладно.

И они разбежались по домам.

Оюна тоже вернулась в свою юрту. И пока девушки вглядывались в темное стекло зеркала, освещенное парой свечей, в надежде увидеть суженого, Оюна сидела в своей юрте у огня, смотрела на его танец и слушала легкое потрескивание сухих поленьев. Вдруг она ощутила на себе чей-то взгляд,

и ей впервые за долгое время стало страшно, и она пожалела, что отправила Гришку в другой дом жить. Она медленно обернулась ко входу и прислушалась. Снег скрипнул прямо у ее порога. Огонь дрогнул в очаге и прижался к земле. В юрте сразу же стало темнее. Оюна поднялась и замерла, боясь подойти к двери, чтобы распахнуть или же напротив запереть ее. Она стояла посреди юрты и не могла двинуться с места. Ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела, что дверь тихонько отворилась, а за ней... А за ней она увидела только снег и искрящееся далекими звездами ночное небо.

Серебристый свет, пробивавшийся сквозь толщу воды, все еще не отпускал его из снов, искрясь вокруг легкими пылинками. Внезапно он как будто что-то вспомнил и мгновенно открыл глаза. «Ты вернешься?» – ее осторожный голосок над поверхностью воды. Он помнил этот голос. Все эти годы, что он спал на дне озера, под сводами своего замка из белого мрамора, этот голос снился ему и звал его на поверхность. А еще эти глаза – два черных полумесяца. И прядь волос, покрытая инеем. Он тут же окончательно вынырнул из снов и поднял голову. Сколько времени он проспал? Жива ли та, что звала его сквозь толщу снега, льда, воды, времени? Человеческий срок настолько краткий. Он приподнялся на лапах. Оюна. Ее имя Оюна. Это он тоже помнил. Он оттолкнулся от каменистого дна и стал медленно подниматься к поверхности озера.

Он не думал о причитавшихся ему дарах и не чувствовал больше голод, ему не было дела до людского почитания. Ему нужно было увидеть ту, чье имя было Оюна. И он никак не мог понять, для чего, пока не коснулся ногами тверди и не ощутил себя человеком.

Праздновали Сагаалган¹⁰, тот самый Белый Месяц обновления и пробуждения Природы от долгого зимнего забвения. Все вокруг было белым: и снег, еще лежавший на земле плотным покрывалом, и молоко, обильно льющееся по пиалам дорогих гостей, и праздничные одежды, и хадаки¹¹, развевавшиеся на ветру. И хотя с неба еще летели огромные одинокие снежинки, догоняя друг друга прямо над головой и образуя пушистые комки мягчайшего снега, все вокруг кричало о том, что Весна уже близко, и воздух насыщался той свежестью и чистотой, которая бывает лишь в первые дни освобождения небес от снежного плена. В это время он ступил на земную твердь.

Издалека раздавались смех, пение и веселые голоса – юноши и девушки, смело смешивая традиции, невольно создавали свой собственный праздник последнего снега и первой любви. Оюна тоже была среди них, в этом веселом хороводе,

¹⁰ Сагаалган – Новый год по лунному календарю.

¹¹ Хадак – отрез шелкового материала в виде длинного шарфа, который традиционно подносят в знак глубокого уважения, благожелания или приветствия в тибетском буддизме. Белый хадак – символ воды.

а когда начались игры, то так же, как и другие девушки, бегала в догонялки и пряталась среди стволов высоких сосен от новоявленных кавалеров.

Запыхавшись от смеха и быстрого бега, она остановилась, прислонившись спиной к стволу старой сосны, обеими руками в заснеженных рукавицах убрала с лица выбившиеся пряди волос и поправила малгай¹². А когда отстранила от лица руки, то увидела... его.

Он стоял прямо перед ней, во плоти, высокий, красивый, вселяющий трепет и требующий поклонения. Он был совсем как тогда, двенадцать лет назад, в том промерзшем трактире среди ледяных человеческих статуй. Он ничуть не изменился за это время. Именно таким она помнила его, именно таким представляла все эти годы. Она стояла перед ним, не в силах отвести взгляд, не веря тому, что видела, и ей казалось, что это духи играют с ней злую шутку, узнав ее тайну.

Он тоже не сводил с нее глаз и не произносил ни слова. Он словно ждал чего-то, и она – тоже ждала. Немое ожидание в попытке поверить, что увиденное теперь не иллюзия, не обман сознания. Она видела его высокие скулы и четко очерченные губы, его прямой нос и высокий лоб; пряди длинных белоснежных волос, которые, выбившись из растрепавшейся на ветру прически, падали на его бледное лицо и делали его похожим на призрака. Сердце Оюны глухими мощными ударами напомнило о себе и, учащая темп, уже оглушало ее, а

¹² Малгай – головной убор бурят.

через какие-то мгновения билось так, будто хотело вырваться наружу, и ей казалось, что оно уже существует за пределами ее тела.

Он стоял перед ней, словно созданный из льда и снега, и смотрел на ее раздурмянившееся от бега и влажного снега личико, подобное полной луне, ее черные глаза-полумесяцы и маленький носик, на черную косу, перекинутую через плечо и перевязанную яркими лентами, и на белую прядь, тонкой линией прорисованную в ее волосах.

Его губы разомкнулись, и Оюна вздрогнула от этого едва заметного движения.

– Здравствуй, Оюна, – наконец произнес он, прервав затянувшееся молчание, и от его тихого глубокого голоса ее сердце сжалось и вдруг совсем перестало биться.

– Здравствуй, – одними губами ответила она и, зардевшись, опустила глаза.

– Не ждала меня?

– Ждала...

– Хотела видеть меня снова?

– Хотела...

– Так что ж теперь опускаешь глаза? Отчего на меня не смотришь? – Его голос разлился по ее телу сладким холодом.

– Не смею, – прошептала Оюна.

– Отчего не смеешь?

– Кто я, чтобы смотреть в твои глаза без позволения?

Губы его дрогнули в едва заметной улыбке.

– Та, к кому я вернулся спустя двенадцать лет. Разве этого недостаточно, чтобы подарить мне свой взгляд?

– Я подарила тебе свое имя. Разве этого... недостаточно?..

– Нет. Я желаю большего, чем одно твое имя.

Поблизости раздались голоса: звали Оюну.

– Чего же ты хочешь, помимо имени моего и взгляда?

Голоса раздались совсем рядом – и вдруг стихли, подавшись смятению перед появившимся из ниоткуда высоким незнакомцем, стоявшим рядом с Оюной, и человеческому любопытству.

– Пригласи меня в свой дом, – произнес он. – Подари мне тепло твоего очага, о котором ты говорила мне, раз уж взгляд свой считаешь непозволительной для меня роскошью.

– Как пожелаешь, – чуть слышно ответила она, стараясь унять стук вновь проснувшегося сердца.

И она пошла вперед, пытаясь спрятать глаза от смущения, а он шел вслед за ней, провожаемый любопытными взглядами остававшихся позади них молодых людей.

Оюна вошла в юрту. Он, чуть склонившись, поскольку дверь была слишком низкой для него, вошел следом. Сердце Оюны теперь трепетало, как огромная бабочка, прилетевшая в ночи на свет огня. Щеки ее горели, и она стояла, не находя в себе смелости обернуться и взглянуть на него хотя бы на короткий миг, хотя бы на одно мгновение. Подумать только! Он услышал ее тогда, в ту холодную заснеженную ночь. Разве можно было в это поверить? Но ведь она – вери-

ла... Он запомнил ее имя. Он пришел к ней спустя столько лет. Разве такое случается?.. Вот только для чего он пришел к ней? Неужели чувствовал, что она тайком ото всех ждет его и мечтает о его объятиях и о его прохладном дыхании на своей коже?.. Или же...

– Оюна? – Его голос прервал сладостный поток мыслей и заставил вздрогнуть, напомнив девушке о присутствии гостя в ее юрте.

– Проходи, прошу тебя, – едва слышно произнесла она и, обернувшись, слегка склонилась перед ним. Жестом она пригласила его пройти и занять тор – место для особо почетных гостей. Он принял ее приглашение.

Она же, сбросив теплую одежду, поспешила наполнить пиалу свежим парным молоком и опустилась перед гостем на пол. А когда она протянула ему пиалу с молоком, то невольно подняла на него глаза, и их взгляды встретились. Никогда прежде она не видела таких глубоких, холодных, пронзительных глаз, как у него. Словно весь лед Байкала сосредоточился в них. Он поднес чашу к губам, не отрывая глаз от девушки, а она все смотрела и смотрела в его глаза, словно в них теперь тонул весь ее прежний мир. И когда чаша была пуста, он вернул ее хозяйке и задержал на мгновение, удерживая в своих руках, и она вдруг почувствовала, как щеки ее снова зарделись. В этот момент Оюна знала: это не от страха, не от стыда, не от смущения, а от того, что в эти глаза ей теперь было позволено смотреть бесконечно. Она подарила

ему один свой взгляд, а в ответ получила все тайны глубокого древнего озера. Он отпустил пиалу, и она приняла ее из его рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.